

С. Б. Сорочан (Харьков)

О мощах и типах их местоположения в византийском Херсоне V—X вв.

В разработанной Б. Бренком типологии местоположения мощей предложено три разных типа таких культовых объектов, обычно связанных с церковью или мавзолеем, усыпальницей-кимоидием [1, S. 69–122]. Такие мощи, как определил их Питер Браун в своей известной книге о культе святых, принадлежали «очень специально мертвым», то есть умершим очень специальным образом, они лежали в гробу или реликварии очень специальным образом и судьба этих останков сильно отличалась от судьбы останков обыкновенных смертных, являя то место, где земля и небо встречались в личности умершего, что подтверждалось различными сверхъестественными явлениями, называемыми чудесами [2, р. 70–71]. С верой в чудотворную силу мощей, в то, что они могут благоухать, исцелять, источать миро, было связано и практически бесконечное деление, расчленение, распространение, перенесение и положение святых мощей, — того, что византийцы именовали словом «кости», «вместилище души», «тело» (*leipsanon*, *leipsana*, *skenon*, *skenoma*, *soma*). Важно учесть, что в представлении римлян каждая их частица, независимо от размеров, и даже фрагменты одежды, похоронного ложа такого святого покойника, обеспечивали неизменное присутствие святого, являлись центром мистической энергетической активности, через которую проявлялась сверхъестественная мощь, приписываемая личности святого, а размещение таких мощей и их частиц становилось важным фактором структурирования сакральной топографии христианских городов. Благодаря им само пространство города осмысливалось как некий монументальный реликварий [ср.: 3, с. 8–10]. Поэтому совершенно очевидно стремление добиться покровительства богоизбранных святых, мучеников, праведников, установить мистическую связь храмов Божиих через присутствие мощей — ретрансляторов святости, через «не знающие отдыха кости», как их назвал Джеймс Бентли [4]. Открытие святости при обретении мощей или прибытии их издалека активизировало всплеск чудотворных событий вокруг этого и становилось новым импульсом для развития существующего культа или стимулировали обновление старого, иногда видоизменяя его значение и область распространения. В источниках византийского Херсона это наиболее ярко запечатлено в перенесении (*translatio*) мощей св. муч. Климента Римского, разысканных 30 января 861 г. благодаря усилиям Константина Философа и Херсонского архиепископа Георгия [5, с. 820–827, 1096–1113,

1408–1476]. Но насколько широко среди археологических материалов этого известного христианского центра представлены места положения мощей и отвечают ли они существующей типологии? Для ответа на первый вопрос накоплено достаточно много материалов [подр. см.: 6, с. 51–63; 5, с. 680–1030; 7, с. 132–202], но второй не ставился никем из исследователей. Попытаемся проанализировать его, положив в основу схему теоретических разработок Б. Бренка.

Первый тип местоположения мощей представлен так называемым «запечатанным местом». В этом случае реликварий, ковчег с мощам закапывали под полом храма, так что он оставался недоступным для поклоняющихся. Церковные авторы сравнивали его с Ковчегом Завета — библейским прообразом всех христианских реликвариев. На примере византийского Херсона периода раннего средневековья такого рода культовые объекты удалось выявить в 1897 г. в сакральном пространстве перед престолом крестовидного храма № 19, в выложенной из черепиц и закрытой сверху мраморной плитой «гробничке» прямоугольной формы, перпендикулярной престолу, где находился завернутый в ткань серебряный ларец ($0,134 \times 0,085 \times 1,115$ м) эпохи Юстиниана I с остатками мощей (фаланги пальцев). Похожий на небольшой саркофаг мраморный реликварий обнаружен в крестообразном, выложенном мраморными плитками углублении под полом алтаря Западной базилики (№ 13), которая входила в комплекс городского монастыря известного из агиографии как «дом св. Леонтия». Здесь ковчег для мощей имел выдвижную крышку. Такое же традиционное для мощехранилищ базиликальных храмов крестообразное углубление, выложенное из плинфы на известковом растворе, было в основании алтарного пространства базилики 1935 г. на Северном берегу. В алтарной части Северной базилики (№ 22) в 1893 г. была найдена мощехранительница в виде каменного ящика, который закрывался сверху плиткой, а с боку задвижной доской. «Гробничка» прямоугольной формы с мраморным саркофагообразным реликварием, параллельная престолу, находилась под полом алтаря храма Богоматери Влахерской, входившего в комплекс здешнего загородного монастыря. Здесь же известна ориентированная в соответствии с храмом гробница с двумя лежанками и арковидной нишей в задней стене (склеп № 1406), арковидный вход которой и сводчатый потолок были скрыты под цемянковым полом баптистерия, поверх которого выложили мозаику с изображением евхаристической чаши-канфара, символа вечной жизни. Вырубленные в скале четыре ящиковидные могилы, в том числе две с одиночными погребенными, видимо, из числа клира, на что указывают подушечка с листьями лавра под головой, а также остатки Евангелия, ткани с зо-

лотными нитями, были скрыты под плинфовым полом в баптистерии при Западной базилике (№ 13).

К другому типу относятся места с мощами, полускрытые в специальном помещении, пещере или крипте. В византийском Херсоне они обнаруживаются в гробничной церкви, ориентированной в соответствии с подземным склепом, свод которого выложен из плинфы. Этот мартирий стал структурообразующим фактором для западного монастырского комплекса «дома св. Леонтия» и в нем можно видеть известное из херсонской агиографии место захоронения легендарного первого епископа Херсона, св. Василея. Показательно, что расположение самой церкви было подчинено задаче сохранить первоначальное место гроба особо почитаемого местного мученика. Еще один городской мартирий, возможно тоже связанный с преданиями о св. Василее — небесном защитнике города, можно видеть в «пещерной» гробничной церкви, возведенной в квартале III, рядом с Главной продольной улицей над криптой с тремя конхами. Аналогичным местом являлся подземный склеп, который находился в мартирии на восточной оконечности южной галереи Уваровской базилики (№ 23). На основании данных агиографии ее можно интерпретировать как епископальный кафоликон — большой храм свв. апостолов Петра и Павла [8, с. 328–356]. Именно сюда были перенесены заново обретенные 30 января 861 г. мощи св. Климента Римского. На месте их обретения, на маленьком, затапливаемом водами прилива островке в Казачье бухте, в 10 км от Херсона в свою очередь был оборудован паломнический центр с миниатюрной церковью, под которой находилась крипта со «святой гробницей» (*to agioiu larnaki*), куда вел узкий подземный ход, поддерживаемый аркадами, и где в каменном саркофаге, очевидно, константинопольского типа (*en soro lithine*) лежали мощи [9, с. 172–180]. Похожие загородные культовые объекты прослеживаются около Карантинной бухты, на юго-восточном участке херсонского кладбища, а именно, в монастыре Богоматери Влахернской, где обнаружены подземный кимитирий — «катакомба» из нескольких соединенных между собой проходами склепов (№ 1409–1411, 1452), в одном из которых в стенах были устроены ниши-сидения, а также крипта из двух подземных склепов со входами с юга и северо-востока под ранневизантийским монастырским храмом, открытым в 1902 г. на вершине Девичьей горки, примерно в двух стадиях от города.

Третий тип местоположения мощей представляет видимое и доступное культовое место, находившееся внутри церкви над земной поверхностью, на уровне пола. В Херсоне такое место отчетливо прослеживается в боковом приделе с самостоятельным престолом («часовня В»), который был сооружен

в IX в., видимо, в послеиконоборскую эпоху, на восточной оконечности южной галереи Западной базилики. Здесь около стены стояла саркофагообразная гробница, сложенная из каменных плит, которая вполне могла быть вместилищем мощей местночтимого святого. Похожие напольные гробницы известны также в базиликальном храме 1904 г. («храм А»), который, исходя из осмысления данных агиографии, наиболее вероятно можно отождествить с церковью Св. муч. Прокопия [10, с. 157–162]. В этом случае она входила в епископальный комплекс с базиликой св. апостолов Петра и Павла, однако сложенные здесь из камней саркофаги в боковых нефах и с внешней стороны за южной храмовой стеной играли роль коллективных кимитириев. Поздние наземные кимитирии из плит известны в трехапсидном храме №4, открытом в 1891 г., и у стен внутри загородного крестовидного храма Богоматери Влаернской.

Таким образом, византийский Херсон демонстрирует все основные типы местоположения мощей, что в свою очередь полностью согласуется с его обликом обычного провинциального ромейского города, центра малого паломничества в Таврике, который получил совсем новую значимость через сакральное и архитектурное осмысление святых мест и уже в VI–VII вв. прочно утвердил репутацию «средоточия святости». Из совокупности архитектурных сооружений и памятников он, пользуясь выражением О. Грабара, превратился в «пространство для человеческого поведения» [11]. Обнаружение, приобретение, перенесение, прибытие реликвий и их участие в целом ряде литургических, праздничных и политических ритуалов, непрерывное стремление верующих к непосредственному контакту с ними оказывало постоянное влияние на структуру сакрального пространства этого византийского города. Кроме того оно утверждало его значение, ценность в сознании собственных жителей, укрепляло веру в непобедимость и силу государства, имеющего таких могущественных небесных покровителей. Само присутствие святых мощей и их местоположение требовали разработки, оформления культа, создания не только соответствующих храмов, маририев, но и агиографических, богослужебных текстов, Житий и служб, определенных, «портретных» икон, «повествовательных» фресок, что оказывало соответствующее влияние на структурирование и декорацию церковного интерьера, на программу росписей. Нетрудно заметить, что типы «запечатанных» и полускрытых культовых мест с мощами явно лидировали и занимали примерно одинаковое положение по численности, тогда как видимые и доступные культовые места встречались гораздо реже. Чем объяснить подобную диспропорцию и была ли она свойственна именно провинциальному византийскому Херсону, остается неясным в виду почти

полного отсутствия сравнительных материалов такого рода. Можно лишь предполагать, что это было связано с тем, что только в Новеллах Юстиниана появилось разрешение хоронить святых в пределах городской черты не только под землей, но и над земной поверхностью, то есть в наземных гробницах, а окончательно запрет на захоронения над землей был официально снят новеллой ЛIII Льва VI Мудрого в конце IX в. [12, col. 947–949]. Примечательно, что это совпадает по времени с периодом появления в Херсоне наземных кимитириев. Нет также сведений и о наличии реликвий, частиц святых мощей в основании, стенах и колоннах херсонских храмов, обычно в углублениях в форме креста, хотя такая традиция была распространена в крупных паломнических центрах (в Константинополе, Вифлееме, на Синае).

Литература

1. *Brenk B.* Der Kultort, seine Zugaenglichkeit und seine Besucher // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. — Münster, 1995. — Ergaenzungsband 20 / 1.
2. *Brown P.* The Cult of the Saints: Its Raise and Function in Latin Christianity. — Chicago, 1981.
3. *Лидов А. М.* Священное пространство реликвий // *Христианские реликвии в Московском Кремле*. — М., 2000.
4. *Bently J.* Restless Bones: The Story of Relics. — L., 1985.
5. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Х., 2005. — Ч. 2.
6. *Гайдуков Н. Е.* Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции*. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2.
7. *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // *Нартекс. Byzantina Ukrainensia*. — Х., 2012. — Т. 1.
8. *Сорочан С. Б.* О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // *Сугдейский сборник*. — 2006. — Вып. 2.
9. *Сорочан С. Б.* О мартирии Св. муч. Климента Римского вблизи византийского Херсона // *Проблемы теологии. Материалы Третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа (2–3 марта 2006 г.)*. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 3. — Ч. 1.

10. *Сорочан С. Б.* О храме Св. Прокопия в византийском Херсоне // *Sacrum et Profanum*. — Севастополь, 2005. — Вып. 1: Культ святых мест в древних и современных религиях. Сб. науч. трудов.
11. *Grabar O.* The Shape of the Holy. Early Islamic Jerusalem. — Princeton, 1996.
12. *Heinzelmann M.* Translatio // *Lexikon des Mittelalters*. — München; Zürich, 1996. — Bd. 8. — Fasc. 5.

